

- ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА -

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 09.10.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3830-2026-10-146-151

ПОПОВ Даниил Сергеевич,
магистрант 2 курса магистерской программы
«Международное, частное и публичное право»,
Международно-правовой факультет, Московский
государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел
Российской Федерации,
e-mail: danyaropow@gmail.com

АВТОНОМИЯ ВОЛИ УЧРЕДИТЕЛЯ И LEX SOCIETATIS ЛИЧНОГО ФОНДА: ПРЕДЕЛЫ ВЫБОРА ПРИМЕНИМОГО ПРАВА

Аннотация. Статья посвящена возможности применения коллизионного принципа автономии воли при определении права, применимого к отношениям с участием российского личного фонда. Отправной точкой исследования выступает п. 5 ст. 1202 ГК РФ, введенный в 2024 г. и допускающий применение иностранного права при наличии иностранного элемента. Функциональная близость личного фонда к трасту рассматривается с учетом его квалификации в российском праве как юридического лица, обладающего собственным личным законом. В качестве ориентиров используются смежные модели автономии воли и специальное регулирование иных российских юридических лиц. Основное внимание уделено кругу отношений, которые могут быть подчинены иностранному праву, достаточности иностранного элемента и допустимости выбора нейтрального правопорядка. Обосновывается целесообразность ограничения предусмотренной законом автономии воли внутренними отношениями личного фонда и дальнейшего уточнения ее содержания и пределов.

Ключевые слова: личный фонд, автономия воли, личный закон юридического лица, иностранный элемент, применимое право.

POPOV Daniil Sergeevich,
second-year Master's student, Master's Programme
"International, Private and Public Law", International Law
School, Moscow State Institute of International Relations
(University) of the Ministry of Foreign Affairs of the
Russian Federation

THE FOUNDER'S AUTONOMY AND THE LEX SOCIETATIS OF A PERSONAL FUND: LIMITS ON THE CHOICE OF APPLICABLE LAW

Annotation. The article examines the application of the conflict-of-laws principle of party autonomy in determining the law applicable to relations involving a Russian personal fund. The analysis focuses on paragraph 5 of Article 1202 of the Russian Civil Code, introduced in 2024, which permits the application of foreign law where a foreign element is present. The functional similarity between a personal fund and a trust is considered in light of its classification under Russian law as a legal entity governed by its own lex societatis. Related models of party autonomy and special rules applicable to other Russian legal entities are used as comparative reference points. Particular attention is paid to the scope of relations that may be governed by foreign law, the sufficiency of the foreign element, and the permissibility of choosing a neutral law. The article argues that the autonomy granted by the provision should be confined to the internal relations of a personal fund and that its scope and limits require further clarification.

Key words: personal fund, party autonomy, lex societatis, foreign element, applicable law.

Введение

В 2021 году в российском праве получил законодательное закрепление институт личного фонда – особой разновидности унитарного некоммерческого юридического лица, предназначенной для обособления имущества гражданина и управления им в соответствии с определенными учредителем условиями [1]. Уже в 2024 году в рамках первого системного реформирования данного института законодатель дополнил ст. 1202 ГК РФ, посвященную личному закону юридического лица, новым пунктом 5, согласно которому уставом личного фонда, созданного по российскому праву, может быть предусмотрено применение иностранного права к отношениям с участием самого фонда, его учредителя, выгодоприобретателей и лиц, входящих в состав его органов, если такие отношения складываются с участием иностранных граждан или иностранных юридических лиц либо осложнены иным иностранным элементом [2]. Цель настоящей статьи состоит в определении содержания и пределов предусмотренной данной нормой автономии воли применительно к российскому личному фонду. Исследование основано на формально-юридическом, системном и сравнительно-правовом методах.

Постановка проблемы

На первый взгляд предоставление учредителю личного фонда подобной автономии не выглядит совершенно чуждым природе данного института. В российской доктрине личный фонд неоднократно сопоставлялся с англо-американским институтом доверительной собственности (трастом) и характеризовался как функционально близкая ему конструкция: оба института позволяют обособить имущество и организовать его долгосрочное управление в соответствии с волей учредителя в интересах определенных им лиц [3, с. 14; 4, с. 105]. В этой связи нельзя не обратить внимание на ст. 6 Гаагской конвенции 1985 года, которая закрепляет возможность выбора учредителем права, применимого к трасту [5].

Однако такое функциональное сходство не должно заслонять принципиального различия между двумя институтами. В традиционном понимании английского права траст не является юридическим лицом, а титул на переданное имущество разделяется между доверительным собственником, которому принадлежит юридический титул (*legal title*), и выгодоприобретателем, обладающим титулом по праву справедливости (*equitable title*) [6, р. 30]. Сам траст, таким образом, не выступает носителем прав на обособленное имущество и не участвует в обороте от собственного имени. Российский личный фонд, напротив, обладает правосубъектностью юридического ли-

ца и является собственником переданного ему имущества (п. 4 ст. 123.20-4 ГК РФ). Поэтому, на наш взгляд, п. 5 ст. 1202 ГК РФ непосредственно ставит вопрос о допустимости применения коллизионного принципа автономии воли в сфере действия личного закона юридического лица (*lex societatis*).

В зарубежной доктрине наиболее близкая по своей логике концепция была предложена Дж. Дэмманном, который выступал за отделение выбора применимого корпоративного права от места инкорпорации и предоставление корпорации возможности свободно определять такое право непосредственно в своем учредительном документе [7, р. 54]. Заложенная в п. 5 ст. 1202 ГК РФ идея во многом созвучна данной концепции, поскольку российский личный фонд сохраняет свой статус юридического лица, созданного по российскому праву, но получает возможность подчинить отдельные отношения с участием связанных с ним лиц иностранному праву. Вместе с тем А. В. Асосков, анализируя предложенную концепцию, справедливо обращал внимание на существенные отличия данной сферы от договорных обязательств и ставил под сомнение возможность непосредственного перенесения на нее принципа автономии воли в его традиционном понимании [8, с. 278]. В этой связи полагаем, что действующее регулирование нуждается как минимум в дополнительных разъяснениях и уточнении пределов такой автономии, основные проблемные аспекты которой будут рассмотрены далее.

Предметные пределы применения иностранного права

Прежде всего следует отметить, что из содержания рассматриваемой нормы не вполне ясно, к каким именно отношениям может применяться избранное иностранное право, поскольку законодатель ограничивается лишь указанием на «отношения с участием» самого фонда, его учредителя, выгодоприобретателей и лиц, входящих в состав его органов, не определяя при этом предметные границы. С учетом места данной нормы в ст. 1202 ГК РФ такое регулирование, по крайней мере буквально, не позволяет установить, какие именно вопросы, относимые пунктом 2 указанной статьи к сфере личного закона юридического лица, могут быть подчинены иностранному праву. При широком толковании используемая законодателем формулировка потенциально позволяет распространить избранное право на такие элементы *lex societatis*, как, например, содержание правоспособности личного фонда, порядок приобретения им гражданских прав и принятия на себя обязанностей или способность отвечать по своим обязательствам, что может затрагивать

положение третьих лиц, в том числе кредиторов, поскольку соответствующие вопросы определяют пределы участия фонда в обороте и его способность нести возникшие перед ними обязанности. В литературе высказывалась позиция, согласно которой формулировка п. 5 ст. 1202 ГК РФ допускает применение иностранного права исключительно к внутренним отношениям личного фонда [9, с. 37]. Представляется, однако, что непосредственно из текста закона такое ограничение не следует. Не дает однозначных оснований для подобного вывода и телеологическое толкование нормы с учетом истории ее принятия, так как соответствующие положения появились в законопроекте лишь при его подготовке ко второму чтению и не получили отдельного обоснования в пояснительных материалах [10].

Показательно, что в иных случаях законодатель значительно более точно определяет сферу возможного применения иностранного права к российским юридическим лицам. Так, ч. 2 ст. 12.3 Федерального закона «О международных компаниях и международных фондах» прямо относит к ней отношения, связанные с осуществлением прав учредителей международного фонда, а также его внутренние отношения, включая вопросы создания и ликвидации фонда, управления им и взыскания убытков с его органов управления [11]. В силу ст. 12.17 указанного закона аналогичные положения применяются и к международным личным фондам [11]. Еще подробнее пределы применения иностранного права урегулированы для международных компаний, в отношении которых законодатель устанавливает специальные изъятия из применения российского корпоративного законодательства и одновременно сохраняет действие отдельных императивных норм российского права [12, с. 114].

В этой связи обоснованным видится законодательное уточнение п. 5 ст. 1202 ГК РФ посредством прямого ограничения его действия внутренними отношениями личного фонда и определения, по крайней мере в общем виде, круга вопросов, которые могут быть подчинены иностранному праву. Необходимость такого уточнения дополнительно обусловлена ограничением доступа к документам личного фонда, поскольку в силу п. 1 ст. 6 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» устав личного фонда не относится к общедоступным документам [13]. В подобных условиях распространение предусмотренного уставом выбора иностранного права за пределы внутренних отношений фонда создавало бы риски для кредиторов и иных третьих лиц, которые не давали согласия на такой выбор и могли даже не знать о его существовании и содержании.

Иностранный элемент

Не меньшую неопределенность вызывает и установленное требование о наличии иностранного элемента. Наряду с прямо названным участием в соответствующих отношениях иностранных граждан или юридических лиц законодатель указывает на «иной иностранный элемент», не раскрывая содержания данного понятия. Отметим, что подобная открытая формулировка в целом соответствует общепринятому пониманию данной категории в международном частном праве. Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ в п. 2 Постановления «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации», перечень иностранных элементов, приведенный в п. 1 ст. 1186 ГК РФ, не является исчерпывающим и может охватывать, в частности, совершение действия или наступление юридического факта за границей [14]. А. В. Асосков, комментируя данные положения, указывает на невозможность сформировать закрытый перечень релевантных иностранных элементов ввиду того, что различные нормы могут придавать значение разным связям отношения с иностранным правом [15, с. 13]. В свою очередь, А. Л. Маковский обращает внимание на возникающую в подобных случаях проблему определения того, обладает ли конкретная иностранная характеристика достаточным значением для обращения к иностранному праву [16, с. 188–189].

Вопрос о достаточности иностранного элемента для возникновения возможности выбора права возникает и в рассматриваемом нами случае. Так, нахождение за рубежом значительной части имущества фонда, особенно если соответствующее отношение непосредственно связано с управлением или распоряжением таким имуществом, по-видимому, может рассматриваться в качестве достаточного иностранного элемента. Напротив, совершение за границей отдельного юридически значимого действия, например проведение заседания органа фонда или подписание отдельного документа, едва ли само по себе должно позволять подчинить иностранному праву внутренние отношения фонда. Аналогично преимущественное взаимодействие фонда с иностранными кредиторами и контрагентами, не являющимися участниками конкретного отношения, не должно автоматически придавать иностранный характер отношениям между фондом, его учредителем, выгодоприобретателями и членами его органов.

Неясно также, как следует оценивать искусственное либо сугубо формальное создание иностранного элемента с целью воспользоваться описанным механизмом. В качестве возможного ориентира может рассматриваться п. 5 ст.

1210 ГК РФ, согласно которому выбор иностранного права при связи всех существенных обстоятельств отношения с одной страной не устраняет действие императивных норм права этой страны. Однако допустимость применения подобной аналогии закона представляется дискуссионной и, наряду с вопросом о достаточности отдельных категорий иностранных элементов, требует дополнительного уточнения на законодательном уровне или в судебной практике.

Возможность выбора нейтрального права

Наконец, п. 5 ст. 1202 ГК РФ не позволяет однозначно установить, может ли учредитель избрать право любой иностранной юрисдикции либо такой выбор должен быть обусловлен объективной связью с соответствующим правопорядком. В сфере договорных обязательств возможность выбора так называемого нейтрального права уже давно рассматривается как одно из классических проявлений принципа автономии воли [17, с. 48]. Вместе с тем в тех областях международного частного права, где автономия воли получила распространение позднее, данный выбор нередко ограничивается правопорядками, имеющими определенную связь с регулируемым отношением. Так, для уже упоминавшихся выше международных компаний возможность применения иностранного права предусмотрена только в случае редомициляции и касается права, применявшегося к соответствующему юридическому лицу до изменения его личного закона [12, с. 110]. Европейское регулирование наследственных отношений также допускает выбор наследодателем права, применимого к наследованию, однако в соответствии со ст. 22 Регламента (ЕС) № 650/2012 такой выбор ограничен правом государства его гражданства, а при наличии нескольких гражданств – правом любого из соответствующих государств [18]. Схожее ограничение в праве ЕС установлено и для выбора права, применимого к режиму имущества супругов, который согласно ст. 22 Регламента Совета (ЕС) 2016/1103 допускается в пользу права государства обычного места жительства обоих или одного из них либо права государства гражданства любого из них на момент заключения соглашения [19].

Если исходить из предложенного выше более узкого понимания предметных пределов такой автономии и ограничивать ее внутренними отношениями фонда, возможность выбора нейтрального правопорядка, на наш взгляд, выглядит в данном случае весьма оправданной. Обращение к праву юрисдикции с более предсказуемым регулированием сопоставимых отношений, например, к английскому праву, может отвечать интересам учредителя и иных связанных с фондом лиц, позволяя им использовать более устоявшиеся право-

вые подходы, что является особенно актуальным, принимая во внимание относительную новизну института личных фондов для российского права и отсутствие сформировавшейся судебной практики по вопросам его функционирования. В то же время вопрос о предпочтительности одной из двух описанных моделей автономии воли применительно к личным фондам также пока остается открытым и требует дальнейшего обсуждения в научном и профессиональном сообществе.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что закрепленная в п. 5 ст. 1202 ГК РФ возможность применения иностранного права к отношениям, связанным с личными фондами, представляет собой достаточно необычное проявление принципа автономии воли в сфере личного закона юридического лица. Проведенный анализ показывает, что действующее регулирование не позволяет однозначно определить ни предметные пределы такой автономии, ни требования к иностранному элементу, ни допустимую степень свободы при выборе соответствующего правопорядка. Указанные вопросы, безусловно, не исчерпывают проблематики, связанной с содержанием рассматриваемой нормы, однако уже они свидетельствуют о необходимости ее дальнейшего доктринального осмысления, а в перспективе – выработки более определенных законодательных и правоприменительных подходов.

Список литературы:

- [1] Федеральный закон от 01.07.2021 № 287-ФЗ «О внесении изменений в части первую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. I). Ст. 5115.
- [2] Федеральный закон от 08.08.2024 № 237-ФЗ «О внесении изменений в часть первую и статью 1202 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 33 (ч. I). Ст. 4933.
- [3] Емелькина Я. В. Управляющий личным фондом как участник правоотношения по управлению имуществом // Гражданское право. 2025. № 2. С. 14–17.
- [4] Косарева В. В. Сравнительно-правовой анализ траста и личного фонда в России // Ленинградский юридический журнал. 2022. № 2 (68). С. 98–111.
- [5] Конвенция о праве, применимом к трастам, и их признании (Гаага, 01.07.1985) // Гаагская конференция по международному частному праву (HCCH). URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=59> (дата обращения: 27.09.2026).
- [6] Pettit P. H. Equity and the Law of Trusts. 12th

ed. Oxford: Oxford University Press, 2012. 741 p.

[7] Dammann J. A New Approach to Corporate Choice of Law // *Vanderbilt Journal of Transnational Law*. 2005. Vol. 38. No. 1. P. 51–107.

[8] Асосков А. В. Рецензия на статьи Дж. Дамманна, посвященные концепции свободы выбора права, применимого к корпоративным отношениям // *Вестник гражданского права*. 2007. Т. 7. № 4. С. 271–280.

[9] Лаврова И. Г. К вопросу о некоторых особенностях регулирования личных фондов в международном частном праве // *Гражданское право*. 2026. № 2. С. 36–39.

[10] Законопроект № 190808-8 «О внесении изменений в часть первую и статью 1202 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/190808-8> (дата обращения: 27.09.2026).

[11] Федеральный закон от 03.08.2018 № 290-ФЗ «О международных компаниях и международных фондах» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2018. № 32 (ч. I). Ст. 5083.

[12] Арнаутов Д. Р. Особенности права, применимого к редомицилированным международным компаниям // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2024. № 7. С. 102–131.

[13] Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3431.

[14] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // *Российская газета*. 17.07.2019. № 154.

[15] Асосков А. В. Новое Постановление Пленума Верховного Суда РФ о применении норм международного частного права: ключевые разъяснения // *Судья*. 2019. № 11. С. 12–19.

[16] Маковский А. Л. Статья 1186. Определение права, подлежащего применению к гражданско-правовым отношениям с участием иностранных лиц или гражданско-правовым отношениям, осложненным иным иностранным элементом // *Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третьей* / под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2011. С. 180–190.

[17] Лунц Л. А. Внешнеторговая купля-продажа (коллизийные вопросы). М.: Юридическая литература, 1972. 104 с.

[18] Регламент (ЕС) № 650/2012 Европейско-

го парламента и Совета от 04.07.2012 о юрисдикции, применимом праве, признании и исполнении решений, принятии и исполнении аутентичных актов по вопросам наследования и о создании Европейского свидетельства о наследовании // *Official Journal of the European Union*. 2012. L 201. P. 107–134. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2012/650/oj> (дата обращения: 27.09.2026).

[19] Регламент Совета (ЕС) 2016/1103 от 24.06.2016 об осуществлении расширенного сотрудничества в области юрисдикции, применимого права, признания и исполнения решений по вопросам режимов имущества супругов // *Official Journal of the European Union*. 2016. L 183. P. 1–29. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/1103/oj> (дата обращения: 27.09.2026).

References:

[1] Federal Law No. 287-FZ of 01.07.2021 “On Amendments to Parts One and Three of the Civil Code of the Russian Federation” // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2021. No. 27 (Part I). Art. 5115.

[2] Federal Law No. 237-FZ of 08.08.2024 “On Amendments to Part One and Article 1202 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation” // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2024. No. 33 (Part I). Art. 4933.

[3] Emelkina Ya. V. Manager of a Personal Fund as a Participant in Property Management Relations // *Civil Law*. 2025. No. 2. P. 14–17.

[4] Kosareva V. V. Comparative Legal Analysis of the Trust and the Personal Fund in Russia // *Leningrad Law Journal*. 2022. No. 2 (68). P. 98–111.

[5] Convention of 01.07.1985 on the Law Applicable to Trusts and on their Recognition // *Hague Conference on Private International Law (HCCH)*. URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=59> (accessed: 27.09.2026).

[6] Pettit P. H. *Equity and the Law of Trusts*. 12th ed. Oxford: Oxford University Press, 2012. 741 p.

[7] Dammann J. A New Approach to Corporate Choice of Law // *Vanderbilt Journal of Transnational Law*. 2005. Vol. 38. No. 1. P. 51–107.

[8] Asoskov A. V. Review of J. Dammann’s Articles on the Concept of Freedom of Choice of Law Applicable to Corporate Relations // *Civil Law Review*. 2007. Vol. 7. No. 4. P. 271–280.

[9] Lavrova I. G. On Certain Features of the Regulation of Personal Funds in Private International Law // *Civil Law*. 2026. No. 2. P. 36–39.

[10] Draft Law No. 190808-8 “On Amendments to Part One and Article 1202 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation” // *Legislative Support System of the State Duma*. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/190808-8> (accessed: 27.09.2026).

[11] Federal Law No. 290-FZ of 03.08.2018 "On International Companies and International Funds" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2018. No. 32 (Part I). Art. 5083.

[12] Arnautov D. R. Issues of the Law Applicable to Redomiciled International Companies // Herald of Economic Justice of the Russian Federation. 2024. No. 7. P. 102–131.

[13] Federal Law No. 129-FZ of 08.08.2001 "On State Registration of Legal Entities and Individual Entrepreneurs" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 33 (Part I). Art. 3431.

[14] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 24 of 09.07.2019 "On the Application of Private International Law Rules by Courts of the Russian Federation" // Russian Gazette. 17.07.2019. No. 154.

[15] Asoskov A. V. New Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the Application of Private International Law Rules: Key Clarifications // Judge. 2019. No. 11. P. 12–19.

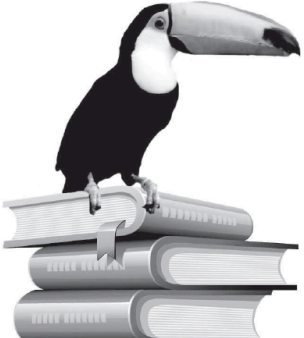
[16] Makovsky A. L. Article 1186. Determination of the Law Applicable to Civil-Law Relations Involving Foreign Persons or Civil-Law Relations Complicated

by Another Foreign Element // Article-by-Article Commentary on Part Three of the Civil Code of the Russian Federation / ed. by P. V. Krashennnikov. Moscow: Statut, 2011. P. 180–190.

[17] Lunts L. A. Foreign Trade Sale and Purchase (Conflict-of-Laws Issues). Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1972. 104 p.

[18] Regulation (EU) No. 650/2012 of the European Parliament and of the Council of 04.07.2012 on jurisdiction, applicable law, recognition and enforcement of decisions and acceptance and enforcement of authentic instruments in matters of succession and on the creation of a European Certificate of Succession // Official Journal of the European Union. 2012. L 201. P. 107–134. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2012/650/oj> (accessed: 27.09.2026).

[19] Council Regulation (EU) 2016/1103 of 24.06.2016 implementing enhanced cooperation in the area of jurisdiction, applicable law and the recognition and enforcement of decisions in matters of matrimonial property regimes // Official Journal of the European Union. 2016. L 183. P. 1–29. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/1103/oj> (accessed: 27.09.2026).

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru